Николай ПЕРЕЯСЛОВ

«Устроить мир по правде и любви...»

О книге стихов Геннадия Иванова «Горит костёр»

Геннадий Иванов относится к тому кругу поэтов, творчество которых надо изучать не по отдельным его стихам, и даже не по газетным или журнальным подборкам, а желательно сразу в полном объёме – по такой, например, книге, как сборник его избранных стихотворений «Горит костёр», выпущенной в конце 2020 года в столичном Редакционно-издательском доме «Российский писатель». Эта книга не только даёт впечатление о подлинном размахе поэтических способностей этого автора, но ещё и открывает перед читателями истинную глубину его души и восприятие им окружающего мира. Потому что поэтическими образами и метафорами владеют сегодня многие из тех, кто называет себя русскими поэтами, а вот способность открыть перед читателями просторы своей души и Родины – даётся далеко не каждому.

Первое, что бросается в глаза при погружении в книгу Геннадия Иванова, это его искренняя любовь к малой родине – тем русским деревням и городкам, где прошли его детство и юность, а также той церкви Спаса в Бежецке, где ему на грудь когда-то повесили маленький блестящий крестик:

В этой церкви меня крестили.
Здесь мои земляки уповали.
Рядом с церковью мама в могиле.
В этом храме её отпевали.
В этой церкви уютно и просто.
С ней отрадно могилам погоста…

Стихи о родной русской земле и русских людях – это основа поэтического творчества Геннадия Иванова, который, можно сказать, на самом зрелом отрезке своей жизни с особой пронзительностью начал вдруг осознавать, что самыми важными для него являются такие простые вещи как поле, небо, река, сад, деревенские люди, дети, церковь и – что самое важное – Бог. И он пишет о своих простых, но очень важных для него человеческих чувствах:

Я люблю деревенские улицы –
Где гуляют заботливо курицы,
Где окошки глядят друг на друга
И всё близко – до речки, до луга…

А в стихотворении о есенинской родине селе Константиново он говорит:

Обыкновенное селение,
Поглуше многих на Руси.
Гусей и уток поколения
Гуляют шумно по грязи́.
Здесь песни в воздухе не носятся
И ничего такого нет,
А всё же здесь когда-то осенью
Родился истинный поэт…

Ну, а в стихотворении «Тимониха» (родовая деревня Василия Ивановича Белова) он пишет:

На свете на белом, на небе ли –
Отрада в душе и покой!
Тимониха. Белые лебеди
Летят над беловской избой…

Или вот стихотворение «Родина», которое просто невозможно миновать, не проникнувшись его теплотой и любовью, его поистине целебным, материнским дыханием:

Родина… Свет за окошком.
Родина… Вьюга впотьмах.
И на болоте морошка,
И на просторе – размах.
Родина… Лист придорожный.
Родина… В беге времён –
Родина… Замысел Божий,
Что ото всех утаён.

А вот ещё – прекрасное, простое, лёгкое и вместе с тем глубокое стихотворение, посвящённое жителям вымирающих русских деревень! Геннадий пишет о них не просто мимоходом, а как о своих самых родных и близких:

Деревенских старух поздравляет
Господь с Новым годом.
Ах, какие открытки прислал –
погляди на окно:
неземным серебром
нарисованы виды природы,
виды местности той,
что увидеть потом суждено…

Невозможно пройти, не вздохнув с тоской, мимо чудесного стихотворения о крестьянках, прядущих в своих избах лён. Читая его, понимаешь, какие сказочные нити связывают поэта с судьбой и историей нашего великого народа-труженика:

Где крестьянки лён прядут?
Только в памяти придут
Из какого-нибудь года,
Где в избе полно народа.
Там крестьянки лён прядут.
Там и пляшут, и поют.
Пашни там благоухают.
В сени ласточки влетают.
Там их гнёзда, там их детки.
Там и я сидел на ветке.
Там всё рядом, там всё близко.
Там луна сияла низко.
Там и гуси, там и галки…
Где же, где же эти прялки?
Так уж было суждено –
Прялки на небе давно…

Геннадий Иванов не ищет в поэзии каких-то фантастических вывертов и необыкновенных метафор, главное для него – увидеть и услышать красоту и тишину русской земли, осознать свою необходимость в этом мире, а также направленную к нему доброту окружающего мира. Не гонясь в стилистике ни за Евтушенко, ни за Вознесенским, ни за Высоцким, он пишет о том, что было в его личной жизни, что происходило с его друзьями и близкими, что сделалось частью его собственной судьбы.

А что было с его долгой судьбой? Что стало с его жизнью?

Всё это отчётливо выражается в его простых, но прекрасных стихотворениях, таких, как:

Иду пешком из Ханино в Слепнёво,
Иду тележной узкой колеёй,
Я знаю жизнь и горькой, и суровой,
Но нынче это в недрах, под землёй.
Всё где-то там до времени таится
И жутко машет острою косой.
А здесь – ромашки,
ветер на пшенице,
И я иду в рубашке и босой!..

А это живописное лирическое признание поэта, но уже – из другого стиха:

Вот проехали Кашин,
до милого Бежецка
Остаётся немного.
А там уж, а там –
Хоть недолго в лучах
буду радостных нежиться,
Признаваться в любви
буду многим цветам.

В стихотворении о бане Геннадий Иванов философически размышляет:

Ковш Большой Медведицы над баней.
Отдышаться вышел я на снег…
Где-то должен после всех скитаний,
После всех исканий и метаний
Отдышаться в мире человек.

Но отдышаться от клокочущей вокруг жизни нелёгкого двадцать первого века невозможно даже в принципе, а если бы и хотелось отсидеться от всех передряг в какой-нибудь ветхой деревушке, то жизнь всё равно вытащит нас на свет через все бездорожья и колдобины, и протащит по всем побережьям и рекам, перелескам и горам, городам и республикам. Книга Геннадия Иванова – это неистощимый перечень населённых и географических пунктов нашего обширного Отечества, часть из которых на сегодняшний день уже перестала принадлежать к великой Российской Федерации.

Привыкаем жить без Украины.
И теперь, быть может, навсегда
нам чужие степи и долины
и Днепра широкая вода, – с горечью пишет он об отходе от нас нашей родной республики. Да и только ли с Украиной это произошло? «Ушла от нас Прибалтика», – отмечает в одном из стихотворений Геннадий, а в другом добавляет:

За храмы на душе тоска,
за Днепр обидно.
И этой дикости пока
конца не видно.

Но есть ещё, к счастью, огромные просторы нашей необъятной Родины, черты которой не могут не отразиться в её прекрасном облике. Да и только ли о нашей России пишет поэт? В стихах его – Волга и Кавказ, Хибины и Сибирь, Америка и германский Рейхстаг, Донбасс и Башкортостан, Север и Охотское море, Хунзах и Гуниб, Нил и Молога, Уфа и Кандалакша, Байкал и Беслан, Владивосток и Питер, Белое море и бухта Провидения, Красная площадь и ледяная Арктика – всё это оказалось запечатлённым в поэтической книге Геннадия Иванова.

Арктика подсказывает лирическому герою, что следует делать в этой жизни, чтобы *«устроить мир – по правде и любви»*:

Душа познала, что это такое,
Когда тоску восторгом утоля,
Глядишь вперёд, на поле ледяное,
На белый мир
с надстройкой корабля!..

…Ещё часы не пущены как будто,
Ещё творенье мира предстоит.
Ещё душа не знает о минутах –
От бренности гнетущей не болит.
Ещё тут всё свежо и незнакомо,
Ещё не искупались мы в крови –
Ещё как будто можно по-другому
Устроить мир – по правде и любви.

Вот о том, как этот мир нужно устроить, чтобы всё было «по правде и любви», поэт и пытается поведать читателю, опираясь на мудрость нашего народа и заветы нашего Бога. Ведь мы и сами должны понимать, что, если Господь устроил нашу жизнь именно так, а не иначе, то в этом кроется некий великий смысл. Потому-то одного из нас Он сделал в его жизни художником, другого – слесарем, третьего – солдатом, четвёртого – крестьянином, пятого – лётчиком.

Стою перед огромным стогом,
И навевает строки он.
Зачем Канары, если Богом
Я послан в Бежецкий район?
И неуместен скучный ропот,
Где всё – моё, где всё мне впрок.
Здесь я – пророк, на этих тропах,
А в тропиках – я не пророк.

Поэзия Геннадия Иванова удивительным образом соединяет в себе тоску по поводу исчезновения русских деревень и счастье от встречи с землёй, на которой прошло его детство, печаль от вида зарастающих травами опустевших дворов и обветшавших коровников и вера в то, что жизнь однажды возвратится в эти места и зазвенит здесь смех весёлых ребятишек.

Тоску былую песней не измерить.
Печально и теперь гляжу окрест.
Но всё же, всё же продолжаю верить,
Что Бог не выдаст и свинья не съест.

Стихи Геннадия Иванова необычайно легки и свободны, не обременены тем, чем перегружают свои рифмованные произведения многие из современных поэтов, стремящиеся пленить воображение читателей лихо закрученными метафорами. Строки Геннадия просты и без труда проникают в душу любителей поэзии, они напрямую соединяют человека с окружающим его миром и витающим над всеми Богом. Эти стихи надо бы разучивать в школах, чтобы люди входили в жизнь, понимая, зачем они явились на этот свет и чем они всем и всему в нём обязаны:

Мы всем должны –
и бабочкам, и пчёлам.
Мы всем должны –
и травам, и цветам.
Всему земному – городам и сёлам.
И вечности, сопутствующей нам.
Мы должники –
и как же расплатиться?
Кто красками,
кто словом, кто числом.
Но главное, но главное – смириться,
что Божье всё, а не твоё кругом.

Книга Геннадия Иванова обладает таким необыкновенным свойством, что её хочется постоянно перечитывать и цитировать строки из неё для тех, кто с этими стихами ещё не знаком. В каждом его стихотворении есть такие строчки, а то и целые строфы, которые сами просятся для их принародного озвучивания. Это, к примеру, такие из них:

«Наша память – это тёплый ветер, / По цветам бежит и по пшенице».

«Была такая лёгкость и беспечность, / И к сердцу не примешивался страх. / Река текла. И жизнь текла. И вечность / Текла куда-то в Божьих берегах».

«Теперь свобода – как потрава, / И все деревни – под откос».

«Поэзия – последняя инстанция, / Когда уже ничто не помогло».

«Из жизни нашей стали исчезать / Слова: присяга, подвиг, верность. / Мы стали в межеумье зависать. / Какой-то низкой стала современность».

«Ни тропаря, ни кондака не зная, / Стою стыдливо, слушаю, молюсь. / Я за тебя молюсь, родная Русь. / Не может стать бесовскою святая».

«Ложимся, закрыв свои вежды. / Проснёмся в хоромах Отца. / Земля – это берег надежды. / Надейся и верь до конца…».

А некоторые стихотворения Геннадия Иванова хочется декламировать целиком, потому что они настолько цельны и несут читателю мировоззрение автора, что дробить их на части просто невозможно. Как, например, стихотворение о разговорах с рожью:

Со мною разговаривает рожь.
Колосья шепчут, что уходит лето,
Что скоро поле всё пойдёт под нож…
И вспомнилось из Нового Завета –
Что мы колосья тоже, и придёт
Великий срок
последней самой жатвы,
Снопы свезут на Божий Обмолот,
И будет всё, о чём читали жадно.
И будет всё, о чём читали впрок,
Что страшно
и таинственно, и дивно.
Но так должно быть.
Милосерден Бог.
Мука́ и му́ка – это неразрывно.
Со мною разговаривает рожь.
Колосья шепчут, что уходит лето.
По сердцу зябко пробегает дрожь –
То дрожь любви из Нового Завета.

Книга стихов Геннадия Иванова «Горит костёр» является одной из лучших поэтических книг России последнего времени, и широкое знакомство с ней было бы полезным для многих любителей русской поэзии.

Сколько рецензий начинается с банальной фразы: эта книга не оставит читателя равнодушным… То же самое сразу просится на язык и по отношению к новому лирическому сборнику известного русского поэта Владимира Шемшученко, правда, с существенной оговоркой: действительное неравнодушие во всём его спектре – от восхищения до отвержения – вызовут его стихотворения, совершенно разные по проблематике и тональности, но одинаково убедительные, облагораживающие, будоражащие, зовущие, заставляющие преодолеть собственное – реальное или напускное – безразличие к окружающей действительности.

Его лирика отличается не только парадоксальностью мысли, обретающей порой афористическую чёткость и ёмкость, но и глубиной текста, смещением в конкретном образе предметных и художественных плоскостей, что обуславливается сначала вдохновением и лишь потом авторской логикой, а также притягательной естественностью стиха, поразительной экспрессией и филигранностью речи.

И кажется,
что зла на свете вовсе нет,
Зато добра вокруг – невылитое море:
И от костра дымок,
и яблоневый цвет,
И соло василька
в большом цветочном хоре…

Застывшая в гармонии умиротворённость, разлитое вокруг спокойствие, да и *«Россия – это тишина»*. Наслаждайся блаженством, поэт, погружайся в нирвану, наливайся добром – что ещё нужно? Но он, словно в пику душевному комфорту, ввергает себя в схватку на сопротивление:

А я всё хмурю брови
И лезу напролом.
Поэзия без крови
Зовётся ремеслом.

«Умрёшь не даром: дело прочно, / Когда под ним струится кровь…». Помним, хотя кровь символизирует не только жертвоприношение, но и носительницу жизни, и страстность, и силу, и крепость. Думается, поэт преследует другую цель – постичь и дать оценку своего фатального предназначения, утвердить творческое кредо в эпоху радикального пересмотра (= подмены) идеалов: *«Со мной герои Перекопа / И тень убитого отца»*; *«Я бы вырвал по плечи руки, / Тем, кто сбросил с Кремля звезду!»*. Не ради рисовки сказано: дед и отец его провели годы *«с кайлом в обнимку»*: первый в ГУЛАГе, второй в фашистском концлагере; сам же Владимир *«родился… в пятьдесят шестом»*, оттепельном году. А следом иной поворот: *«За всё, что мне раньше казалось бесспорным, / Сегодня не отдал бы я ни гроша!»*.

Острая борьба противоположностей крепко вплетена в ткань его гражданских стихотворений. Владимир Шемшученко горячо и неоднозначно относится к смене убеждений. На сей счёт он полемизирует с современниками – Юрием Кузнецовым, Булатом Окуджавой; последнему адресуется колкий упрёк: *«Ты принял свободу, как пёс от хозяина кость – / Идущий на Запад, теряет лицо на Востоке»*. Но поэту близка и выстраданная пушкинская мудрость о печальных строках нашей истории. Он поднимается над идеологическими метаниями, ищет опору в Христе: *«Услышь мя, Идущий ко*

Неотвратимость бытия

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Внешнее и затаенное в поэзии Дмитрия Мизгулина

…Где вместе – небо и земля
В морозной мгле слились.
Дмитрий Мизгулин

Сегодня лирический герой, как правило, является фигурой по преимуществу внешней – или же сфокусированной на построение облика внутреннего человека, на «угадывание» личных душевных движений. Конечно, такая градация во многом условна, однако у нее есть видимые примеры и одна характерная особенность.

Alter ego автора, однажды показавшегося на люди в окружении земных предметов и коллизий, впоследствии крайне редко высвечивается в качестве живого микрокосмоса, вовлекающего читателя в свои нескончаемые глубины. Происходит некое самоопределение поэта: либо он становится частью узнаваемого окружающего мира на всю оставшуюся творческую жизнь, либо существование его приобретает драматически замкнутую форму – и всякий, привороженный голосом певца, уже не ждет от него ясных слов и художественно внятных, прозрачных в своей конкретике сюжетов. Подчеркнем, что речь здесь идет именно о творческом облике, а не о социальном портрете литератора.

Названные характеристики практически никогда не перетекают одна в другую. Более того, обычно поэты интуитивно выбирают форму своего лирического воплощения, стремясь к определенности личных художественных примет. Эта – на первый взгляд, довольно странная, но, тем не менее, очевидная – поляризация в «стане стихотворцев» нашего времени почти не знает промежуточных положений. Взаимное проникновение обозначенных интонаций и смыслов попадается на глаза редко и тревожит слух, скорее, как феномен, а не привычное обыкновение.

В пределе тут сталкиваются и едва ли не враждуют публицистика и эскапизм, не склонный вступать, практически, ни в какие отношения с социумом. И то, и другое для поэзии – тенденции разрушительные, и главная речь должна идти о чувстве меры, с которым глубокий человек не отворачивается от мира, но стремится сделать его лучше и добрее. Именно на такой промежуточной художественной и личностной территории перед нами возникают стихи Дмитрия Мизгулина – автора, способного удивительно точно обозначить дыхание нашей больной эпохи и движение чувств современника.

У Мизгулина реальное пространство дано в довольно беглых приметах. Они не поддержаны отчетливой, запоминающейся образностью. Притом, что поэт легко и свободно умеет показать действительность – примелькавшуюся и стертую в своих чертах. И создается впечатление, что лирический герой воспринимает окружающую среду именно так потому, что она для него – НЕ ГЛАВНАЯ. Вся художественная самобытность текстов автора выходит на первый план в местах соединения реального с *над*-реальным, земного – с Небесным. В подобном контексте Дмитрия Мизгулина можно назвать *духовным* поэтом, несмотря на то, что он скуп на соответствующие «высокие» слова. Его сентенции метафизического характера кто-то может отнести к резонерству, но продуманность распределения акцентной образности в стихах и сам способ показа реального пространства подтверждают сосредоточенные слова автора и не позволяют определять их как плоды расчётливого или безутешного ума.

В объёмном собрании стихотворений Дмитрия Мизгулина одна из поэтических тетрадей называется «Русские печальные слова». Это заглавие как нельзя лучше подчеркивает интонацию и скрытый смысл многих его строк. Русская душа почти всегда не удовлетворена наличным бытием, устремляясь потаенной глубиной своей в царство любви, справедливости и высшей правды. Земной окоем никак не совпадает с очертаниями горнего светлого мира, и потому затаенная печаль стала неизбывной приметой русского человека.

И так спокойно было на душе,
Как будто жизнь еще не начиналась.

Человеческая судьба представляется нередко смутной и противоречивой, в ней нет ясности и зримой последовательности картин и поступков. Тогда как до начала физической жизни душа пребывает в неведомом космосе в состоянии внутреннего умиротворения и согласия с близким и далеким и с самою собой. Зыбкость земного распорядка видна у Мизгулина даже в спокойных, на первый взгляд, эскизах природы:

Лодка, Церковь у погоста.
Темная река.
Чайки кружат над водою,
И с тревогою немою
Мчатся облака.

Хотя со здешней тревогой перекликается и Небесная, которая явлена нам через природные детали. Довольно часто «схваченные» глазом поэта подробности социума и быта кажутся чрезмерными в своем количестве. Но почти никогда природа не оказывается в его лирике мимолетным видением или только осязаемой вереницей предметов и ситуаций, которые по отдельности как будто могут утратить собственную многомерность и значимость. Сиюминутное человеческое по метафизическому «весу» уступает природному уже потому, что природа в каждом новом ее состоянии закономерна, а не своевольна: она послушна воле Творца. Ее мнимая «самостоятельность» смущает людей, настораживает – но почти никогда не приводит к взаимопониманию. Самонадеянный человек не способен уловить связь дерева и облака с непостижимой Мировой Волей, и загадочное «бессмертие природы» его «пугает иногда». Впрочем, становясь однажды прахом, он соединяется с природным миром, но понимание всех последующих событий отрезано от него смертной чертой.

…Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землею.

Жизнь промчится – исполнится срок.
Будет имя твое позабыто.
И развеются прах и песок
И из мрамора, и из гранита.

На фоне печали и суеты неуловимо возникает смысл возврата тела человеческого в землю, изначальное предназначение быть ее частью. Эта негромкая, но очень глубокая связь может быть истолкована символически: добрых людей больше, чем злых, потому-то земля и держится, не пропадает – ее укрепляет *добрый прах*. У Мизгулина подобный пунктир отодвинут от прямого наблюдения никчемной социальной лихорадкой, которая вполне наглядна и безысходна.

…И лежит наш скорбный путь
Среди шума, среди гама
Мимо Бога, мимо Храма.
……
В переполненной мглою душе
Места нет для покоя и Бога.

Визуальный «лист реальности», со всеми ее приметами и деталями, словно проколот запредельными смыслами – достаточно редкими, которые, однако, позволяют увидеть сквозь образовавшиеся в бессмысленном существовании «дыры» невероятно яркий, ослепительный свет подлинного бытия. С ним связан непонятно как возникающий рефлекс Спасения, поначалу заставляющий человека притекать к главному – простому и ясному:

Рассеян ум. Бессилен разум.
И только трудится душа,
Слова простые раз за разом
Нанизывая не спеша.

Мироощущение Мизгулина пронизано чувством надвигающейся на современную цивилизацию катастрофы. И кажется, что грозный гул тотальной беды слышит только он. Даже природа, как будто, невозмутима и не содержит отчетливых, роковых знаков, в которых «…Неотвратимость бытия / И час расплаты». Особенно остро хрупкость настоящего времени воспринимается им на безоглядных ярмарках тщеславия и самоуверенности:

Очнешься от шумных застолий,
Где праздная чаша горчит –
Услышишь, как в стынущем поле
Полуночи птица кричит.
<…>
Я в этом веселии лишний
И, мучась опять и опять,
За что нас карает Всевышний –
Стараюсь в смятенье понять,
Коль скоро глухие метели
Закружат чужие слова,
И скоро нас в прах перемелют
Эпохи иной жернова.

Предзнаменование – особая сторона взгляда на мир у Дмитрия Мизгулина. Он способен различить тоскливую тревогу, когда «…стонет под ветром, и стынет / До срока разбуженный лес». Будто собрат лирического героя, стынущий лес воспринимает невидимые вибрации большой *надмирной жизни*. Но его движения и звуки еще не выглядят окончательными знамениями, тогда как поэт с сердечной болью вбирает в себя весь объем дисгармонии, разрушающей родной для него мир.

Если говорить о стиле мизгулинских стихотворений, то он не преобладает над художественным смыслом: это качество поэтического высказывания автора оказывается в тени собственно содержания его строки. Там же, где форма неожиданно являет себя тем или иным образом, стихи обретают дополнительную выразительность, которая обогащает смысл еще и ярким изображением:

И ты, как будто наяву,
Опять с крыльца ко мне спустилась.
Упало яблоко в траву
И покатилось…

И все-таки сюжеты Мизгулина по преимуществу умозрительны: некая философема почти всегда прячется в ткани его художественной речи. Цвет в его стихах появляется редко: они, скорее, рисунок или графика, нежели пример живописи. И это, в свою очередь, склоняет лирический рассказ к движению мысли, а не к перемене картин.

Стоит обратить внимание на разность ритма, который сопутствует внутреннему и внешнему развитию сюжета. Чехарда реалий внешнего мира болезненна и мимолетна, тогда как сердце и ум способствуют вызреванию главных слов и отношений как-то мерно, не торопясь, с ощутимой долей усталости и печали.

Заметим, что по ряду деталей в контексте лирики автора, родившегося в Мурманске, он предстает, скорее, деревенским жителем, перебравшимся однажды в город. В этом случае вытеснение «медлительного» ритма природной среды учащенным течением городского существования закономерно, однако затаенная верность души прежнему, глубокому и спокойному дыханию могут многое сказать о психологическом и мировоззренческом устройстве лирического героя.

Когда-то он чувствовал себя частью леса, реки, луга и упивался свободой и гармонией жизни. Сегодня все – не так: окружающая цивилизация мегаполиса темна и лукава, ей ничего не стоит перемолоть человеческую судьбу. Более того – порой кажется, что в этом ее адепты находят элементы удовольствия и азарта. Вот почему лирический герой Мизгулина так обреченно относится к проекциям текущего дня на завтра. Все урбанистические пути уводят его от Бога и от храма. И в какой-то момент они оборвутся на краю пропасти – житейской, апокалипсической, метафизической…

Скажи, кого винить, когда
Внезапно кончилась дорога?
…….
…И тревожится душа
В ожидании развязки.
…….
Кровавый туман
над притихшей Россией клубится,
И Гришка Отрепьев уже ничего не боится.

Поэт пытается соединить сокровенный смысл происходящего с поступками и словами, тем самым стремясь хоть в малой мере вживить крупинки истинного понимания вещей в безотрадную современность. Такой отчаянный психологический разрыв между внешним и внутренним мирами оказывается факсимильным отпечатком лирики Дмитрия Мизгулина. А его желание сшить разорванные края зримого и осязаемого уклада, излечить душевные болезни жестокого века становится явлением во многом уникальным. Эти шаги – наверное, идеалистические – не приведут к значимым результатам, но поступать иначе, перекраивать себя поэт не может и не хочет, какую бы цену судьба ни назначила ему за принятое решение.

У Мизгулина очень много стихотворений дневникового характера. В своде его лирики они играют, пожалуй, не самостоятельную роль, а служат периодически возникающей иллюстрацией незначительности и *без-образности* суеты, которая пытается выглядеть весомой и запоминающейся. В реалиях внешнего мира автор принципиально не ищет образности. Скорее, это диктуемое выморочной средой отсутствие ясного и яркого образа он вынужденно преодолевает. Так формируется облик сжимающегося с каждой прожитой минутой житейского поля, под метафизической поверхностью которого складываются неведомые силы, готовые однажды кардинально изменить мир.

Поэт чувствует драматические перемены, но старается отдалить их, как бы уговаривая Всевышнего быть снисходительным к исстрадавшемуся русскому человеку. Как правило, подобные слова заключают стихотворение, в котором тесно переплетаются «надежда и сомненье», а Небо закономерно и естественно видится непререкаемой инстанцией. Смысловой вес определений и предметов здесь на порядок больше, чем прежде, еще и потому, что главные вопрошания лирического героя обращены к Создателю, а не к современникам и не к сиюминутному содержанию жизни.

Тяжелеют осенние воды,
Догорают рябины огни…
Но во мраке ноябрьской природы
Вдруг наступят особые дни –
И развеется мрак постепенно,
Рябь по водам пойдет не спеша.
И, как солнечный отсвет, нетленно
Встрепенется – и вспыхнет душа.
……
В поднебесье тускло тлеют звезды,
В темноте круги сужает бес.
Но поверь, что никогда не поздно
Будет достучаться до Небес.
……
Метель утрат восторг души остудит,
Застынет в реках черная вода…
Но все-таки Господь веселых любит,
А верных не оставит никогда.

И пусть кружат во мгле миры и меры,
В кромешном мраке исчезает путь,
Держись поближе Православной веры –
А там Господь подхватит как-нибудь.

Психологически стихи Дмитрия Мизгулина оказываются очень русскими: черты характера, «выглядывающие» то из одной авторской оговорки, то из другой, вполне самобытны. И потому лирическая речь поэта есть некое свидетельство русского человека, говорящего в присутствии своего брата и сестры, родителей и детей, друзей и редких единомышленников. Чувство Родины, сквозное для разных эпох, для разных людей и разных художников бережно хранится автором. Более того, творчество Мизгулина неявно подразумевает, что русский художник, утративший это драгоценное ощущение, одновременно теряет и свое вдохновенное призвание. Образ Тургенева, которого измучила тоска по России, тут очень показателен.